НА КОНКУРС «50 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»

Алины косы

Сияло солнечное июньское воскресенье. Размеренно, справа–налево нес свои воды Урал. Было это тогда на главном – левом берегу. Молодежь загорала на пляже, время от времени освежаясь в реке. Приметной была темноволосая девушка, стройная, спортивного вида. Далеко не случайно она колесила на велосипеде по окрестным горам, лихо летала на разноуровневых брусьях... Далеко не случайно она едва успевала отшучиваться от разухабистых парней, не пропускавших мимо тугие ее и прелестные косы...

Аля не спешила выбирать свою судьбу, как это делали многие ее подруги. А было ей уже девятнадцать...

Кто–то в такие годы еще беззаботно резвился при родителях. У нее же они складывались куда тяжелее. Дочь поляка и белоруски, она прибыла с Украины, как и три ее брата и две сестры, полная самых романтических надежд. Магнитка – живая легенда первых пятилеток индустриализации, с радостью приняла ее отца – мастера–мартеновца. И отец не подкачал, вышел в лучшие – вровень с Алексеем Грязновым. Варил рекордные плавки одну быстрее другой. Аля и поныне хранит вырезки из газет, с фотографиями отца из «Магнитогорского металла» и других газет, включая центральную прессу. Украшением помещенных в газетах семейных фото всегда были Алины косы. Вот отца с торжественного собрания привозят домой (а он построил за год с небольшим собственный дом на по–социалистически справедливую, по труду, солидную зарплату), корреспондент ловит кадр, как отец именно Але вручает роскошный букет цветов: «Храни букет, – это премия жен командиров завода за мой честный стахановский труд.» А через три дня после очередной рекордной плавки его и еще шестерых видных металлургов из поселка им. Горького забрали. Через три месяца, здесь же, в Магнитке, без суда и следствия расстреляли...

Конечно, Аля об этом не знала и всю жизнь обивала пороги неподконтрольного ни партии, ни Советам страшного ведомства и его преемников, тщетно надеясь доискаться правды. И только в 1994 году ей выдали свидетельство пострадавшей от политических репрессий и сообщили о расстреле отца...

А тогда, 22 июня 1941 года, она ничегошеньки не знала об ужасной кончине любимого отца, могилу которого так и утаили от близких...

По пляжу пронесся слух о начале войны. Всех как ветром сдуло. Страна, магнитогорцы, и наша Аля в том числе, жили ожиданием вестей с Запада. Но мало было ждать, надо было вершить судьбу самим. Два старших брата ушли на фронт, на трудовой фронт подалась и Аля. Умница, блестяще закончившая десятилетку и как дочь врага народа лишенная возможности получить высшее образование, она пошла на металлургический комбинат: «Возьмите хоть кем.» Начальник закрытого по тем временам цеха связи К. Н. Гостев, ознакомившись с ее биографией, был суров: «Телефонисткой не приму, только рассыльной.» Алины косы сыграли свою роль или что–то еще, но все–таки она была определена в телефонистки. Забегая вперед скажу, что начальник цеха еще несколько раз помогал Але, спасал от ретивых спецотдельцев, командировал в Челябинск, где она помимо производственных заданий имела возможность хотя бы постучаться в областное управление НКВД, спросить, пусть и безуспешно, об отце. Гостев перевел ее и под свое непосредственное подчинение, но об этом речь впереди.

А пока Аля училась. На центральной электростанции расположился ее коммутатор. Работа телефонистки нехитрая, но ответственная, требующая быстрой реакции, постоянной готовности, собранности, точности. Десятки абонентов, в том числе и высокое комбинатское начальство, то и дело требовали связи. В самые горячие часы приходилось соединять до 500 человек, то есть на заказ, выполнение операции и ответ отводились считанные секунды. Алины косы только бегали по плечам, а ловкие руки безошибочно колдовали над рычажками ключей и головками штепселей. И ее первый наставник Петр Истомин только радовался за такую смышленую и понятливую ученицу. Вскоре Аля стала работать самостоятельно на ручной станции «Завод». Эвакуация завода «Запорожсталь» сопровождалась монтажом на первом этаже и в подвале известного 8–этажного здания горкома КПСС на Кирова–72 практически новенькой автоматической телефонной станции. Аля в числе лучших производственниц прошла курсы по ее изучению и обслуживанию.

Впрочем, удивительного здесь ничего и не было. Почти все мужчины цеха связи были мобилизованы в Красную Армию, остались только женщины да подростки. Не хватало запасных частей, аппаратуры, материалов. В цехе кустарным способом готовили микрофонный порошок, делались угольные микрофонные и стальные телефонные мембраны и многое другое. Уже в 41–м, работая на ЦЭС, Аля насмотрелась на жуткие тыловые свидетельства войны. Командированные для разгрузки угля узбеки мерзли в своих длиннополых халатах и умирали десятками. Хотя зачастую в их халатах после гибели находили огромные деньги, которые они наживали на спекуляции фруктами. Но как прокормиться даже на бешеные деньги, если катастрофически не хватало всего, а самое необходимое было строго нормировано. Рынок? Имея зарплату в 75 рублей, Аля лишь однажды купила там булку хлеба за 210 рублей, когда в 42–м умирала мама. Вслед за мужем, погибшим на фронте сыном и скончавшейся на глазах в тыловом Магнитогорске дочери–учительнице начальных классов...

Успев до 37–го года вступить в комсомол, Аля и на комбинате, не держа обиды на окружающих, вела общественную работу. Вместе с восемью тысячами комсомольцев сталинской Магнитки она подписала клятву Сталину. Клятву ударно трудиться, отдавая все силы, знания и умение для фронта, для разгрома ненавистного врага. Но до Победы было еще ой как далеко, хотя каждый новый год страна встречала с твердой уверенностью в Победе.

На комбинате родилось движение фронтовых бригад. Такого звания удостаивались лучшие комсомольско–молодежные коллективы. Аля стала организатором этого движения в цехе, возглавив комсомольскую организацию. Научилась хорошо печатать на машинке, могла выступить перед любой аудиторией. Ей даже предлагали вступить в партию и поработать в завкоме комсомола. Но она отказалась от этих предложений и осталась в родном коллективе. Из телефонисток ее перевели в монтеры. Здесь надо было уже не только поддерживать аппаратуру в исправном состоянии, но и уметь регулировать ее, настраивать, быстро устранять неполадки. Наставниками были, а на хороших людей Але в жизни очень везло, – Сергей Михайлович Константинов и Екатерина Харитоновна Половнева – единственная в цехе, удостоенная за ударный труд ордена Трудового Красного Знамени.

Жажда постоянного профессионального совершенствования, поиск и распространение передового опыта других привели Алю к еще одному доброму человеку – Морозову Дмитрию Ивановичу, экономисту. Старичок всерьез задумывался уже об уходе на заслуженный отдых, но без замены К. Н. Гостев его не отпускал. Так исподволь Морозов стал готовить к этой нелегкой должности Алю. Боялась, что не справится. Но глубокие всесторонние знания, навык общения с самыми разными людьми сделали свое дело. Незадолго до Победы, уже в 45–м, Аля превратилась в Альбину Константиновну, нормировщика–плановика цеха связи. А вскоре стала Тюрниной, выйдя замуж за коллегу из ЦЗЛ, недавнего фронтовика. И прожили они в полном согласии с Николаем Михайловичем долгую жизнь, почти полвека.

На посту начальника цеха К. Н. Гостева вскоре сменил Сергей Алексеевич Еременко. Альбина Константиновна, будучи беспартийной и бездипломной, не только удержалась на своей должности, но и проработала с ним 30 лет. И благодарна судьбе, которая свела ее с этим прекрасным специалистом и честнейшим человеком. Это при нем были освоены новые виды связи, подготовлены десятки, сотни специалистов самых разных направлений. И хорошо, что его коллегой оказалась А. К. Тюрнина – такая же деятельная, дотошная, разумная.

К 30–летию Победы советского народа над фашистской Германией в цехе связи, переименованном к тому времени в цех технологической диспетчеризации, была подготовлена краткая история цеха (ныне выпущено еще два тома дополнений), который, оказывается, старше... ММК. Да это и логично. Могли ли быть пущены первые металлургические агрегаты без связи? В числе двухсот награжденных орденами, медалями, знаками высшего человеческого авторитета есть двое – С. А. Еременко и А. К. Тюрнина. И далеко не случайно, что еще до выхода на пенсию Альбина Константиновна возглавила цеховой совет ветеранов. А это более двухсот человек. А чуть позже приказом Л. Радюкевича назначена заместителем начальника цеха по воспитательной работе на общественных началах. И тянет она два этих воза до сих пор. Конечно, нынче работать стало тяжелее. Развалены почти все общественные организации, почти нет средств и на материальную поддержку ветеранов. Но А. К. Тюрнина не сдается. Она и ныне в строю тех, кого мы именуем цветом ММК и Магнитки. Ветеран труда, комбината и города, она не пройдет мимо любой несправедливости, будь то нерадивый производственник (а в цехе она бывает постоянно и хорошо знает обстановку) или случайный матерящийся на улице подросток. Пусть же будут украшены ее предстоящие жизненные пути встречами с добрыми, как она сама, людьми.

... А Алины косы все так же туги и прелестны.

А. МЯГКОВ.

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ

Время испытаний

АРХИПОВ Виктор Михайлович

Родился в 1918 году. На комбинате с 1941 года после окончания МГМИ. Работал вальцовщиком, мастером, начальником смены СПЦ. Руководил комсомольско–молодежной фронтовой бригадой. В конце войны и в первые послевоенные месяцы – комсорг ЦК ВЛКСМ на предприятии. Работал на руководящих должностях в СПЦ.

С 1965 года более 10 лет – председатель профкома ММК, позже – начальник ОРИПа.

Награжден орденами Октябрьской Революции, «Знак Почета», двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Война застала меня выпускником горно–металлургического института: через семь дней после ее начала я стал инженером. Был призван в армию – в Академию бронетанковых войск. Но случилось так, что в первый год войны часть специалистов была отправлена обратно в тыл. Я вернулся в свой город, на металлургический комбинат, где работал вальцовщиком, мастером, начальником смены сортопрокатного цеха. Работали в две бригады по двенадцать часов без выходных дней, без отпусков.

В 1943 году от комсомолии Челябинской области был направлен в Москву на Всесоюзное совещание фронтовых бригад. Я увидел военную столицу и до глубины души прочувствовал, что государство живет, народ работает, молодежь вносит существенный вклад в эту работу и мы обязательно одолеем врага.

В марте 1945 года на заводской комсомольской конференции меня избрали секретарем комсомольской организации комбината. Опыта работы не было, но ответственности – хоть отбавляй. Комбинат играл решающую роль в обеспечении военной промышленности металлом: броневым, снарядным... Да и сами снаряды фронту Магнитка тоже поставляла.

В начале войны ЦК ВЛКСМ счел необходимым на самых крупных, узловых предприятиях, решавших судьбу фронта в обеспечении всем необходимым, утвердить должности «Комсорг ЦК ВЛКСМ». Это давало несколько более широкие права, но и налагало большую ответственность комсомола перед партией. И вот в конце марта 1945 года я приступил к новой работе. Мне посчастливилось работать с гениальным директором комбината Г. И. Носовым...

Часто задумываюсь: почему с молодежью того времени было работать легче, а сама работа была более эффективной? Ответ вижу в том, что на комбинате был такой человек – наш директор, который терпеливо растил молодые кадры.

После Победы для меня, как для комсорга ЦК, встали новые задачи. Надо было сразу, немедленно перейти на новые технологии и новый режим работы. Национальный состав молодежи в то время был очень разнообразным. Это было связано главным образом с тем, что во время войны сюда была эвакуирована молодежь из разных районов оккупированной части страны. Коллектив комбината за время войны резко омолодился. Со всеми поставленными производственными задачами молодежь справлялась. Главным образом за счет организованного, дисциплинированного труда в рамках комсомольско–молодежных фронтовых бригад. Пришло время решать вопросы перехода на выпуск мирной продукции для восстановления разрушенного хозяйства.

Но были перед молодежной организацией и другие задачи – социальные, решение которых в связи с войной отодвигалось. Молодежи надо было создать необходимые условия для жизни, ее надо было одеть, приобщить к культуре, дать образование. И тут опять–таки сработала мудрость нашего директора и штаба комсомольской организации.

Наша молодежь жила в ста общежитиях, которые были разбросаны по всему городу. И только два небольших общежития были капитальные. Двухъярусные койки надо было заменить на одноярусные, хотя бы немного улучшить быт. И я, как комсорг ЦК, должен был сочетать функции политического организатора и, если так можно сказать, хозяйственного работника.

По долгу своей работы я не только общался с руководством комбината, но часто бывал в министерстве черной металлургии, ЦК ВЛКСМ. И нам удавалось добиться решения некоторых вопросов для нашей молодежи. Например, нам выделили фонды на одежду. Она, конечно, была простой: фуфайки, брюки, ботинки. Дорогой наградой был отрез ткани на костюм. На комбинате была открыта своя швейная мастерская, или, как мы ее в то время называли, ателье для пошива одежды. И вот потихоньку начали одевать молодежь.

Мы начали работу по активизации деятельности так называемых очагов культуры. Сюда входили левобережный Дворец культуры металлургов, клуб железнодорожников, клуб горняков.

Была установлена система, когда директор ММК требовал, чтобы молодежь обязательно собиралась ежемесячно на слеты комсомольско–молодежных бригад. Директор считал обязательным свое присутствие на них. Лично докладывал итоги работы, ставил задачи. После официальной части нередко оставался во дворце, интересовался отдыхом и досугом молодежи. А мы чувствовали заботу о нас и отдавали все силы для хорошей работы.

И еще одна черта: вера в благополучное будущее страны. Сегодня много говорят о негативных явлениях сталинского периода руководства, о застойном периоде... Мое поколение работников комбината не чувствовало застоя. Комбинат работал, разрастался, давал металл. Такие цифры: в 1940 году заводы всей страны выдали 18,3 млн. т. стали. А мое поколение молодых комсомольцев 40–х, 50–х, 60–х годов довели производство стали только на одном нашем комбинате до 16 млн. т. в год. А для этого требовался не только энтузиазм, но и технические знания. На комбинате было много добрых начинаний, он стал символом организованного и высокоэффективного хозяйствования.

Жизнь требовала думать и о нуждах работающих. Никогда не забуду: Г. И. Носов пригласил меня в кабинет (а приглашал он, в основном, ночами, когда никто не мешал), где мы долго сидели, думали, разговаривали. И однажды он высказал идею: а что если силами военнопленных начать строить на правом берегу дома и заселять их молодежью – той, что прибыла к нам из оккупационных районов? Пусть она получит здесь прописку, найдет любовь и станет честью нашего комбината! И такое решение было принято.

Бывшему начальнику РСЦ Н. Г. Цыкунову, впоследствии – заместителю директора по коммунальному хозяйству, было поручено для каждой вновь образованной молодой семьи, получающей квартиру на правом берегу в новых домах, изготавливать и выдавать немудреные предметы первой необходимости: тумбочку, кухонный стол, табуретки, ведро, корыто, кровать...

Но директор смотрел еще дальше: около этих домов были построены так называемые стайки, чтобы можно было держать домашних животных и птицу.

По инициативе Г. И. Носова было заложено лесопарковое хозяйство, откуда комбинат получает фрукты и овощи. Были построены и теплицы для выращивания цветов, причем в больших количествах.

В то время мы уже имели молочно–овощной совхоз, который и сейчас является большим подспорьем металлургов.

Так в послевоенное время при огромном участии и поддержке руководства комбината решались проблемы молодежи ММК.

А мы и сегодня пожинаем плоды работы тех лет.